

Дальнобойщики Атлантики

Василий Журавлев

Бретонцы говорят: «Там, где море, там и рыба». Кроме тех, кто выходил на прибрежный лов в свой «огород» — Ла-Манш, были в Бретани и «дальнобойщики». Это особая порода людей: дома их видели редко, и дети, зачатые во время зимних побывок на берегу, росли без отцов. Их называли «новоземельцы» и «исландцы».

Уходить далеко от берега на лов трески в Северную Атлантику, на Ньюфаундленд (французы называли его «Новая земля»), бретонские рыбаки стали еще в начале XV в. На недавно открытом англичанами и португальцами острове французская колония была небольшой — всего 36 семей. Три жалких форта окружили поселение с обнадеживающим названием Плезанс. И вправду, для тех немногих, кто добирался сюда через Атлантику, фактория была не просто местом передышки, а землей обетованной.

В это же время рыболовецкий флот англичан на острове быстро рос и составлял уже порядка 150 судов. Вскоре богатые рыбой места были объявлены первой заморской территорией Ее Величества.

Французам удалось зацепиться лишь на двух островах: Сен-Пьер и Микелон, — расположенных выше Большой Ньюфаундлендской банки.

Свои споры из-за мест лова в Ла-Манше британцы и французы легко перенесли через Атлантику. Они переросли в войну на суше, во время которой стороны поочередно совершали пиратские набеги на соседей. И только к концу XVII в. им удалось наконец договориться. И договоренность о местах лова действовала до 1904 г.!

Дальние походы французов за треской на Ньюфаундленд начались после 1852 г., когда судовладелец из Дюнкерка Луи Моран снарядил свое судно «Случай» («L'Occasion») и отправил его через Атлантику. «Случай» вернулся оттуда с богатым уловом. Прослышав о такой удаче, бретонские судовладельцы из Сен-Мало, Канкаля и Пемполя бросились набирать «охотников» на свои лодки. Желających отправиться в опасное путешествие

Типичная бретонская двухмачтовая шхуна «Océanide», очень похожая на легендарный «L'Occasion»

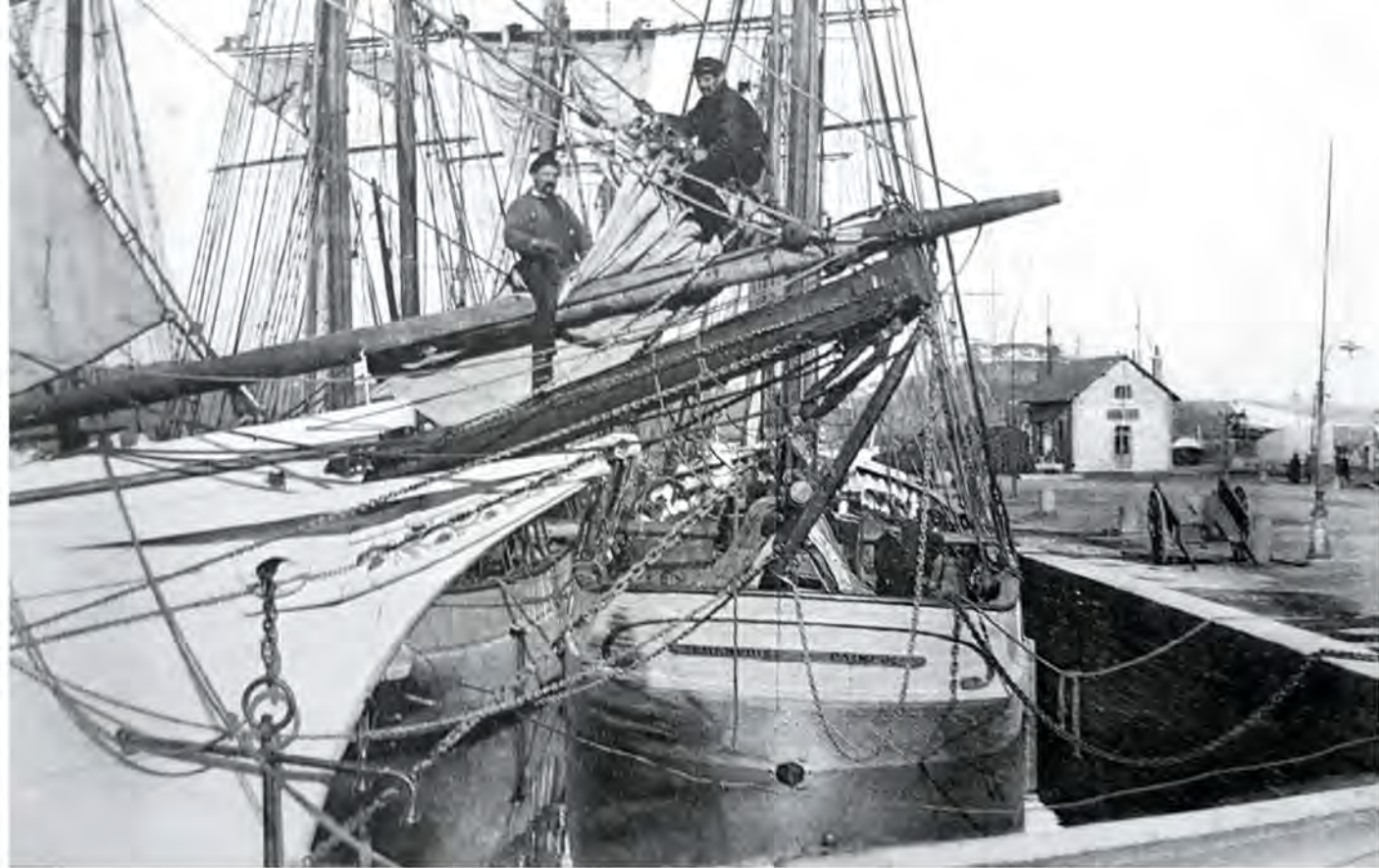
через Атлантику в нищей Бретани всегда хватало: их было больше, чем мест в экипажах судов.

На Ньюфаундленд сначала ходили на привычных шхунах, но вскоре приобретенный опыт дальних плаваний потребовал перемен: в Сен-Мало стали строить трехмачтовые шхуны и баркентины длиной 40 м и шириной до 9 м, с водоизмещением до 500 т. Капитану, чье судно быстрее всех доберется до места и начнет лов, — уважение судовладельца и экипажа, не говоря уж о славе лучшего моряка в тавернах Сен-Мало.

В команде крупных промысловых шхун насчитывалось не меньше 40 человек. На Большой Ньюфаундлендской банке они проводили до полутора месяцев, а потом «шли в базу»: Плезанс — центр французской колонии на Ньюфаундленде. Шхуны размером поменьше на месте лова проводили не больше недели.

Центральная часть корпуса шхун была занята трюмом для хранения рыбы. Два матросских кубрика располагались в носовой части, камбуз и каюта капитана — ближе к корме. Но никакого привычного разделения на бак и ют — причины всех бунтов на кораблях — на бретонских шхунах не было: если на борту нет родственников, а все бретонцы — одна семья, то уж точно найдется много общих друзей и знакомых. И если ты проявишь в море слабина или дурной ха-

рактер, то в следующий раз в рейс просто уйдут без тебя, а на берегу все будут знать: с тобой лучше дела не иметь.

Пройдя о. Уэссан, капитаны прокладывали курс на юг и, проскочив Бискайский залив, старались поймать в паруса попутный ветер. Удачливые капитаны 2250 миль до Нового Света проходили за 20 суток, другим для этого требовалось все пятьдесят.

Каждый год в феврале после благословения на причале трехмачтовика покидали родной Сен-Мало, давно снискавший славу города корсаров. На палубе стояла дюжина дори — шлюпок, с которых вели лов на месте промысла.

Прежде чем открыть сезон, капитан сам насаживал наживку — моллюска, плевал на него и забрасывал первую удочку: путина началась!

Удачей считалось, когда судно возвращалось в порт приписки с тремя сотнями тонн соленой трески в трюмах. Впрочем, 150 т — тоже неплохо.

Первым смельчакам поначалу везло: все приходило домой с богатым уловом, но когда авантюра превратилась в хорошо организованное коммерческое предприятие, море взяло свою дань: две тысячи пропавших в море рыбаков и сто двадцать утонувших парусников за четверть века.

Ходить на «Новую землю» бретонцы перестали еще в начале прошлого века. Одна из последних экспедиций на Ньюфаундленд состоялась в 1912 г. Тогда из Сен-Мало вышло 103 судна, а из Канкаля всего 43. Опасный трансатлантический поход под парусами больше не приносил тех доходов, ради которых стоило рисковать.

А вот промысел трески и сельди в Исландии продержался гораздо дольше: в свой последний рейс «исландцы» ходили за три года до начала Второй мировой войны. Самыми стойкими оказались предприимчивые пемпольцы: на Исландию выходило в год не менее 80 шхун с 1900 рыбаками на борту. Экипажи хорошо знали друг друга: маленький город — большая семья. В море говорили только на родном, бретонском.

Самому старшему на борту шхуны — капитану — было не больше сорока, младшему — семнадцать, но он был не юнгой, а полноправным членом команды! Рыбачье ремесло передавалось от отца к сыну, а в море бретонские подростки ходили охотнее, чем в школу, где им запрещали говорить на родном языке — разрешали только по-французски. А если забылся и ляпнул что по-бретонски, то таскать тебе в наказание тяжелый деревянный башмак или камень с дыркой. А в море — свобода!

Порт Пемполь, запечатленный пионерами в области репортажной фотографии — братьями Шарлем и Полем Женио, работы которых можно увидеть в Musée de Bretagne

Уходили рыбаки из Пемполя надолго, иногда на год и дольше. Прощались как навсегда. Перед выходом в море рыбаки получали благословение: в порту сооружали временный алтарь в виде пещеры, окруженной якорями, веслами и рыболовными сетями. Из церкви выносили Богородицу и водружали ее внутри импровизированного алтаря. В кубрике каждой шхуны тоже висела дощечка с фаянсовой Богородицей. Такие до сих пор делают в городе Кемпере. Потом кюре читал молитву, а преклонившие колена пемпольцы молились о тех, кому Господь и Судьба даруют счастье вернуться, и тех, кого они больше никогда не увидят. Далее следовала проповедь-напутствие на долгий путь...

Выходя в море, моряки хором пели гимны в честь своей заступницы — Марии Звезды Морей. Их звучные голоса становились все тише, а затем шхуны исчезали за горизонтом. Временный алтарь разбирали, а статуя Марии возвращалась на свое привычное место в церкви. Пемполь, оставшись без мужей, сыновей, внуков и любовников вдов, пустел и замирал в долгом ожидании.

Привычка ждать и всегда надеяться на лучшее — вот что отличало суровых и неулыбчивых бретонцев от хохотушек-французенок. Письма из дома на той «Новой земле» были редкостью, но всегда большой радостью для моряка. Прочитав, потом читали вслух товарищам. Из Пемполя письма в море подписывали просто: «На борт».

Потом следовало название шхуны, а в конце добавляли: «В исландские воды, через Рейкьявик».

Если вдруг кто-то возвращался до срока, женщины стремглав бежали в порт и жадно расспрашивали о «своих», как в русской деревне во время войны. А те, кого так ждали дома, одетые в плотные куртки из грубой шерсти и просмоленные шляпы-зюйвестки, в это время таскали рыбу. Работали по тридцать часов без перерывов, а если рыба «шла», то и по ночам. О сне приходилось забыть. Треску тут же разделяли и солили, а потом складывали в штабель в просторном трюме...

И вот однажды парусники с постаревшими до срока рыбаками возвращались. На причале, где было не протолкнуться, каждая искала глазами «своего»... А с палуб уставшие глаза искали «свою». Шхуны швартовались, но всего на пару дней — вполне достаточно для радостной встречи с заждавшимися женщинами и детьми.

Немногим более ста лет назад романист Пьер Лоти после возвращения моряков из Исландии таким увидел Пемполь: *«Шумит Пемполь: звон колоколов и песнопения священников; грубые и заунывные песни в трактирах; старинные мелодии, которые матросы поют раскачиваясь; жалобные напевы, пришедшие с моря, а то и неизвестно откуда, из тьмы времен. Группки взявшихся под руки моряков, качающихся из стороны в сторону — из привычки ходить покачиваясь и оттого, что хмель уже ударил им в голову, бросающие на женщин оживленные взгляды после долгого воздержания. Стайки девушек в белых монашеских чепцах, с красивыми, стянутыми корсетом трепещущими грудями, с прекрасными глазами, полными желаний, копившихся целое лето. Старые гранитные дома прячут всю эту людскую сутолоку, а старые крыши рассказывают о своей многовековой борьбе с западными ветрами, несущими водяную пыль, с дождями, со всем, что посылает море; а еще крыши рассказывают разные горячительные истории, случившиеся под их укрытием, давние приключения, в коих людьми правили любовь и отвага».*

Вскоре шхуны вновь снимались с якоря, но шли уже на юг — в Бискайский залив. Продавали улов. На несколько дней вся команда растворялась в табачном дыме портовых кабаков. Потом сползались на борт, отсыпались и брали курс не на Пемполь, а к песчаным островам, где в каменных бассейнах местные выпаривали соль: она понадобится весной для следующего похода за рыбой в привычную уже неизвестность.

И только с первыми осенними туманами трехмачтовые парусники отдавали якоря в Пемполе, чтобы прожить в нем дождливую зиму с близкими, а весной снова исчезнуть за горизонтом.

Потомки тех свободных духом «новоземельцев» и «исландцев» из Пемполя все еще выходят на прибрежный лов. Их трофеев вполне хватает для ресторанного меню. Сегодня сонный Пемполь, в котором едва ли наберется восемь тысяч жителей, оживает лишь летом, когда приезжают туристы и яхтсмены. А в остальное время некогда находившийся между жизнью и смертью, отчаянием и надеждой город походит на тот, откуда только что ушла флотилия рыболовных шхун в Атлантику.